

Василевич Г.М. Ранние представления о мире у эвенков (материалы) // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований / Тр. ИЭ. 1959. Т. 51. С. 157–192.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1984.

Рычков К.М. Енисейские тунгусы // Землеведение. 1922.

Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Г.М. Василевич Л., 1936.

Спасский Г. Забайкальские тунгусы // Сибирский вестник. СПб., 1822. С. 133–135.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975. Т. 1.

Суслов И.М. Материалы по шаманству у эвенков бассейна реки Енисей. 1935 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. I. Оп. 1. № 58.

Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. М., 1989.

Человек сильнее всех: Эвенкийские народные сказки, предания, загадки, приметы, наставления. Красноярск, 1986.

В.И. Дьяченко

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОЛГАН О ДУШЕ И СМЕРТИ. ОТЧЕГО УМИРАЮТ «НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ»?

«Ее (шаманку) положили в берестяной гроб и похоронили, повесив его на ту толстую сосну. Вскоре после смерти матери девушка тоже умерла <...>. Вот они, мать с дочерью, с той поры появляются, когда один год сменяется другим, и живут так же, как настоящие люди» [Предания, легенды и мифы Саха (якутов) 1995: 281].

Человек всегда задумывался над такими вопросами бытия, как рождение, цель и смысл жизни, причины смерти. Почему некоторые люди умирают в молодом возрасте, другие живут в несколько раз дольше, хотя вроде бы ничего их не держит на этом свете. Умирая физически, человек хотел надеяться, верить, что душа его не рассеется во мраке безмолвия, но возродится, вернувшись обратно на землю, и обретет другое тело, и он вновь станет «настоящим человеком».

Рассматривая в рамках традиционной этнографии представления о жизни человека, мы сталкиваемся с таким мировоззренческим понятием, как «душа». Будучи заимствованным из больших мировых религий, этот термин, как отмечают исследователи, «весьма неудачен и способствует лишь дезориентации при характеристи-

ке сущности таких представлений у шаманистов» [Дьяконова 1975: 43]. Причем сами определения души часто субъективны и разнообразны, что ведет иногда к путанице при описании этой важной мировоззренческой категории. Поэтому, говоря о категории «душа» применительно к этнографии долган, мы вслед за А.А. Поповым будем иметь в виду прежде всего «жизненную субстанцию», «основу», «сущность жизни». У долган такую функцию жизнедеятельности человека несла одна из ее составляющих, называемая словом «*кут*». Эта категория в контексте жизни и смерти имела чрезвычайно важную смысловую нагрузку. Так что же такое *кут* с точки зрения долган, и какая роль в мировоззрении охотников-оленьеводов ей отводилась?

Прежде чем говорить о традиционных представлениях и установках долган на такие жизненные субстанции, как «душа» (*кут*) и дыхание (*тыын*) у людей, следует обратиться к некоторым ранним представлениям о зачатии женщиной ребенка. Одно из таких представлений предков долган отражает следующий рассказ, записанный на Таймыре в 1930-х годах у Романа Бархатова:

«Существует, говорят, такая страна, в которой мужчины не имеют обыкновения ходить к женщинам. Женщины, чтобы иметь детей, весной, когда деревья начинают распускаться, приходят, говорят, к березе и в нижней части ствола обнажают у ней кору. Затем, раскрыв свое худое тело, трутся им об эту обнаженную от коры часть березы. Когда входил в женщину сок березы, она становилась беременной и рождала ребенка».

Близкими по сущности являются рассказы долган, допускающие возможность зачатия ребенка от проглоченного древесного червя. Так, в одном повествовании говорится:

«За Енисеем кочевали шесть или семь чумов долган. Когда они жили, пришла большая болезнь (оспа) и съела всех мужчин. Оставшиеся женщины переселились в один чум, забрав все имущество умерших. Так жили они несколько лет. И вот однажды молодым из них пришло на мысль, собравшись, посоветоваться. Стали говорить: “Вот старшие из нас постепенно умирают, мы тоже стареть, убавляться начнем, как же станем жить без мужчин? Сами мы не сумеем найти мужчин. Куда пойдем, не знаем дороги, только свои места знаем”. На это одна старуха посоветовала: “Я, если желаете, устройю это. Сделаю так, чтобы родились мальчики и от них стали размножаться люди. Как только наступит весна, разыщите дерево, имеющее ветлу”. Весной, где-то около чумов разыскали такое дерево. Советовавшая старуха научила: “Из чистых, узорных нюков соорудите чум, и в нем пируйте в продолжение трех дней. После этого под деревом с ветлой расстелите чистый неподдержанный нюк. Затем, взявшись за руки, танцуйте вокруг дерева. Во время танцев обыч-

но в середине круга втыкается хорей (длинный деревянный шест, которым погоняют оленей при езде на нартах), вместо него пусть будет дерево. Танцуйте три дня. На третий день упадет с дерева на разостланный нюк червяк. Тогда одна из вас, которой не будет противно, пусть проглотит его, и у ней родится мальчик. Если она трижды захочет родить по мальчику, пусть раскусит червяка на три части. От них размножатся люди. Танцы свои на ночь будете прекращать, ночью бывает грешно танцевать”. Поставив чум, три дня танцевали, но червяка не было. Однако девушки продолжали танцевать и только на девятый день выпал на нюк пушистый червяк. При этом все девушки разбежались, говоря: “Какой это страшный червяк”, — только одна решилась проглотить его и, став беременной, родила сына. Его назвали Гуораа, что по-тунгусски “сучок”. Когда мальчик вырос, стал ходить к девушкам, и от него стали рождаться дети. От этого человека и произошли долганотунгусские роды Гуорааги».

В другом рассказе говорится следующее:

«Мальчик и девочка стряхнули с дерева с ветлой на разостланный нюк червяка и съели его, разделив пополам. После этого оба забеременели. Девочка родила сына, от которого произошел один из родов заречных долган, род Орук оголоро — дети ветлы. Мальчик же не мог родить и от этого умер».

Как сообщал А.А. Попову долган Федор Попов, бездетная пара, чтобы иметь ребенка, перед половым общением клала под постель ветлу дерева [АМАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 156. Л. 218–219].

Представление о том, что женщина могла зачать, съев древесного червячка, бывало как у долган, так и у их соседей — якутов [АРАН. Ф. 47. Оп. 2. № 82. Л. 26]. В целом сюжет о дереве как универсальном знаковом комплексе «работает» на почве долганской этнографии так же убедительно, как и в культурах многих народов Сибири. Дерево играет определяющую роль и при рождении человека, и при его смерти.

По другим, по-видимому, поздним представлениям долган, при акте зачатия в женщине зарождалось телесное существо, в будущем младенец, у которого до появления на свет пока еще не было *кут*. Когда ребенок рождался мертвым, долганы говорили, что он не получил *кут*. Ребенка, родившегося на несколько дней раньше срока, заворачивали в песцовую шкуру и подвешивали на палке, установленной горизонтально над очагом и служащей для подвешивания котельных крюков. Если же ребенок рождался на седьмом или восьмом месяце, его помещали в неочищенный от содержимого желудок оленя, специально для этой цели убитого, и держали там пару месяцев. Такая практика требовала больших затрат, так как желудок приходилось заменять не менее девяти раз в месяц и,

следовательно, закалывать столько же оленей. Если родители ребенка были бедными и владели малым поголовьем оленей, на помощь им приходили родственники [Попов 1946: 53]. В том случае, когда новорожденный сразу же после появления на свет не подавал признаков жизни, повивальная бабка, чтобы его оживить, старалась передать ему *тыын* или *һюр* — свое дыхание. Для этого она брала металлическую трубку или трубку игольника (возможно, раньше использовали трубчатую кость оленя) и через нее пропускала нитку. Один конец трубки повитуха приставляла к заднему проходу ребенка и, заткнув ему ладонью рот, нос и уши, дула в другой конец трубки. В этом усматривали акт передачи ребенку дыхания, вследствие чего он и оживал [Попов 1946: 51]. Так что при рождении ребенок, даже пока не имевший *кут*, как полагали долганы, обязательно должен был иметь дыхание.

Из живых существ *кут* имели только человек и домашний олень и, по сведениям, сообщенным некоторыми долганами А.А. Попову, — собаки. Но человек и олень, кроме того, имели дыхание, в то время как все остальные животные и птицы имели только дыхание. По признаку наличия дыхания и человек, и олень объединялись в одну группу с остальными животными и птицами под общим названием «дышащее дыхание имеющие» [АМАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 156. Л. 222]. Деревья, камни и другие объекты природы исключались из этой категории, поскольку они не имели дыхания.

По представлениям долган, *кут* человека в одних случаях мыслится бестелесной, невидимой, в других — материальной. Когда ее похищали духи нижнего мира, шаманы возвращали *кут* на землю, вложив ее в шкурку гагары. В старину некоторые шаманы принесенную из нижнего мира *кут* больного могли вселять в живого оленя, о чем А.А. Поповым был записан следующий рассказ.

В старину у одного человека дети, как только рождались, сразу же умирали. И вот тот человек попросил камлать шамана. Шаман сказал: «Вот у айыы¹, посылающего рождающимся детям *кут*, есть берестянка², в которой находятся *кут*, предназначенные для рождающихся у тебя детей. Абааһы (злой дух) просверлил ее и, высасывая через это отверстие, берет *кут* твоих детей. Вот почему и умирают у тебя дети». Когда после этого родился ребенок, шаман, выткнув из него *кут*, вселил ее в дикого оленя и предупредил

¹ *Айыы* — божества доброго порядка. У долган *айыы* не успели принять строго антропоморфных образов. Так, иногда *айыы* оленей рисуются в виде оленя. Вообще же на вопросы о том, какого вида бывают *айыы* и *абааһы*, очень часто трудно получить ответ [Долганский фольклор 1937: 244].

² Имеется в виду гнездо для *кут* на верхушке дерева, растущего на небе возле жилища *Айыы Тойона* (верховного божества).

редил, чтобы впоследствии этот ребенок, когда вырастет, не охотился бы на дикого оленя, т.к. если он убьет его, то и сам умрет. Говорят, что тот человек всю свою жизнь не охотился на диких оленей и был рыбаком [Там же. Л. 224].

Кут в любое время могла покидать тело человека и летать, принимая образ птички. Ее запрещали стрелять из лука, говоря: «свою *кут* застрелите». Поэтому вполне понятно, почему долганы изображение *кут* в виде птички ставили на крестах (шестах) у детских могил. Кроме того, у них существовал запрет насаживать на рожон куски мяса или рыбу так, чтобы выступал его острый конец. Долганы опасались, что летающая *кут* может на него налететь.

Кут человека, покидая тело во время сна, могла летать по разным местам. Оставление тела не оказывало вредного влияния на человека, он продолжал жить так же, как и до этого. Но если человек внезапно и сильно пугался чего-либо, *кут* могла покинуть его навсегда. В таких случаях человек становился больным и мог умереть. *Кут* могла покинуть тело человека и тогда, когда она чувствовала приближение злого духа *абааһы*. Об этом сообщал В.Н. Васильев: «*Кут* при приближении враждебного духа улетает от человека и странствует в виде маленькой птички по свету, как бы ища себе пристанища. В большинстве случаев во время такого скитания она становится пленницей какого-нибудь злого духа, также рыскающего по свету в поисках добычи, и увлекается им в нижний мир» [Васильев 1909: 12–13].

Кут представлялась не только в образе птички. Один из долган, например, сообщал А.А. Попову: «Хороший шаман может спасти похищенную *кут* человека даже и тогда, когда (в нижнем мире) она, растаивая, дойдет до размеров чешуи мелкой рыбы. Когда он приносил *кут* из нижнего мира, вкладывал в нее часть своей *кут* и этим увеличивал ее. Но если *кут* становилась меньше чешуи мелкой рыбы, никакой шаман не был в состоянии спасти ее» [АМАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 156. Л. 226].

В некоторых случаях шаман лечил больного, не камлая, во время сна. При этом он вычерпывал похищенную *кут* из бездны нижнего мира чехлом бубна, как сачком. Когда вода, набравшаяся в чехол, выливалась, на его дне оставалась *кут* больного в виде маленькой рыбки. Шаман, чтобы уберечь ее от *абааһы*, помещал *кут* в запруду, где находились его духи-помощники — рыбы. Когда ребенка в первый раз перевозили через реку, в его колыбель клали деревянную лодочку, чтобы *кут* ребенка могла переплыть через реку.

Кут посредством *тыын* или *һюр* была связана с верхним миром. Два последних слова — синонимы, и у долган они обозначают дыхание, которое представлялось в виде нити, поднимающейся

вверх. Когда эта нить обрывалась, человек умирал. Нормально рожденный ребенок имел в себе дыхание, которое при появлении его на свет поднималось в виде нити вверх. По этой же нити оно от гнезда, находящегося в верхнем мире и хранившего *кут* людей, спускалось и вселялось в новорожденного.

Ассоциация нити с дыханием ребенка выражалась в существовании запрета беременной женщине перешагивать через веревку, чтобы у ребенка не запуталась пуповина и он не задохнулся.

У долган, как и у многих народов Сибири, нити-лучи связывали человека с верхним миром и божеством, давшим ему жизнь. В одном из рассказов говорится о женщине, которая после смерти увидела две дороги: светлую, которая шла вверх, и темную, ведущую вниз. Несмотря на то, что при жизни она была бездетной (у долган отсутствие детей было большим несчастьем и считалось грехом), она многих «отогревала своим телом», отдавая свое тепло людям. За это «голос сверху» сказал ей: «Разве тебе непонятно, что это благо? Ты посмотри-ка над головой своей!». Девка посмотрела: наверху пресветлое-светлое небо раскрылось, по нему солнца лучам подобные три светлые веревки спустились. «Вот это сделанное тобой добро превратилось в нити, связывающие с *айыы* (добрые божества)». Затем голос сказал: «Вот смотри, во что превращается твоя щедрость». Когда взглянула она вверх, увидела: многие цветные нити спускаются. Так, оказывается, поднялась эта девушка в страну *айыы* [Попов 1946: 62]. Дорогой, связывающей разные миры, могли считаться веревка, нить, дерево и другие физические объекты, которые, по сути, являлись лишь вариантами Мирового Дерева. Со смертью человека нить обрывалась. Так, со смертью шамана «его дерево» падало [Попов 1934: 135]. С приближением родов для роженицы устанавливали специальный чум или балок. По обеим сторонам от входа устанавливали две молодые лиственницы с перекладинами. Они символизировали деревья, связанные с душой и жизнью человека. Опираясь на эти священные деревья, душа роженицы, по мнению долган, вставала после родов и тем самым возвращалась к жизни [Попов 1946: 51].

Как и многие народы Сибири, долганы полагали, что человек становился больным и умирал оттого, что в него вселялся злой дух, который грыз его тело изнутри. Но для того, чтобы вселиться в человека, злой дух предварительно должен был украсть *кут* и унести ее в нижний мир. И когда *кут* попадала в нижний мир, дыхание-нить, соединяющая ее с верхним миром, начинала постепенно утончаться и, когда она обрывалась, человек умирал. Одновременно с этим начинала таять похищенная и находящаяся в нижнем мире *кут* больного. Когда она совсем растаивала, дыхание обрывалось. Растаявшая *кут*, превратившись в пар, туман, возносилась обрат-

но на небо к верховному божеству (*Айыы Тойону*). Около его жилища стояло дерево *тууруу*, на вершине которого находилось гнездо для *кут*, куда и попадала *кут* умершего человека. Оттуда она снова спускалась на землю по нити-дыханию к новорожденному, чтобы вселиться в него. На этом основании долганы, как и многие другие сибирские народы, полагали, что если новорожденный походил лицом на кого-либо из умерших родственников, то в него вселилась *кут* этого родственника и часто давали ребенку его имя.

Таким образом, гнездо на дереве *Айыы Тойона* представляло собой хранилище многочисленных *кут*, совершавших перемещение от неба к земле и обратно и, очевидно, созданных сразу в большом количестве *Айыы Тойоном*.

В некоторых случаях человек болел оттого, что его дыхание-нить покрывалось инеем от дыхания *абааһы*. А.А. Попов приводит сведения долганского шамана Федора Попова на этот счет: «Каждый человек связан *тыын*-нитью с верхним *айыы*. Иногда мы видим, что нить куржавеет (индевет. — *В.Д.*), и человек поэтому болеет. Тогда мы, камлая, поднимаемся к верхнему *айыы*. Верхнее *айыы*, увидев нас, говорят: “Вот этот, имеющий духов (помощников), пришел ко мне с просьбой и дует на *тыын*, и оно (дыхание) оттаивает, вследствие чего больной поправляется”» [АМАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 156. Л. 230].

Наиболее распространенный прием шаманского лечения сводился к тому, чтобы удалить из больного злого духа *абааһы* и вернуть из нижнего мира похищенную *кут*. Когда шаман приносил *кут*, она обычно оказывалась сильно ослабевшей, раставшей. Шаман поднимал *кут* вверх и оставлял ее под защитой духов на одном из своих облаков. Ослабевшая *кут* здесь отдыхала, постепенно крепла до назначенного срока. Когда кончался этот срок, шаман совершал второе камлание. Он забирал *кут* с облака, но не помещал обратно в человека, а поднимал ее в верхний мир к *Айыы Тойону*. Шаман мог вселить *кут* в изображение птички, вырезанное из разбитого молнией дерева или сделанное из свинца или меди, а также заключить ее в маленькую фигурку оленя. Чтобы *кут* не улетала, ее клали обычно в платок с «изгородью» (т.е. с каемкой по краю), крепко завязывали и отдавали на хранение поправившемуся больному. Хотя *кут* находилась и не внутри человека, но она не теряла своей связи с его жизнью. Изображение птички или оленя нужно было хранить очень бережно, чтобы с тем человеком, *кут* которого находилась в них, не случилось несчастья (болезни или смерти).

По представлениям долган, всякая болезнь человека вызывалась вселением внутрь него невидимых существ, которые являлись духами-пожирателями. Этих духов долганы называли словом «*абааһы*».

Согласно словарю якутского языка Э.К. Пекарского, значения слова *абааһы* таковы:

«1) зло, злое начало, все неблагоприятное, враждебное человеку, причиняющее ему вред или неприятность, все противное интересам человека <...>, самая способность причинять зло, вред, неприятность <...>;

2) общее название многочисленных злых существ (духов), населяющих верхнее, среднее и нижнее места, олицетворяющих собой злое начало в природе. <...> Духи эти питаются душами людей и животных <...>, и если кто-нибудь умрет раньше 70 лет, это значит, что какой-нибудь *абааһы* похитил его душу (*кут*), чтобы съесть ее. Только духам, носящим название *абааһы*, приносятся кровавые жертвы; жертвоприношения эти часто имеют характер обмена: вместо *кут* человека, которую похитил или которую может похитить какой-либо *абааһы*, дают *кут* животного, для чего последнее убивается родственниками больного или умершего; <...>

6) редко, как вольность: фигура злого духа на шаманском костюме на месте сердца: идол (у долган)» [СЯЯ 1959: стлб. 5, 6].

Как и многие прочие духи, *абааһы* обладали призрачностью, тонкой телесной сущностью, и поэтому могли быть невидимыми и видимыми. В последнем случае они часто пугали людей своим безобразным видом. Миражи в тундре наводили большой страх на долган, так как образы их воспринимались за *абааһы*. Тень в осмыслении долган также каким-то образом связывалась с *абааһы*. Когда взрослые видели, что дети играли с тенью, их останавливали, говоря: «Перестаньте, придет ночью и напугает». Кошмары, увиденные во сне, долганы объясняли тем, что *абааһы* давит человека. Его будили, и проснувшийся должен был трижды плюнуть в левую сторону и перекреститься [АМАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 156. Л. 160]. Здесь уже, очевидно, обнаруживается влияние русских поверий, связанных с нечистой силой.

У долган тень (*кюлюк*) считалась двойником человека и была тесно связана с жизнью. Всякое посягательство на тень человека означало посягательство на него самого. Поэтому долганы думали, что вред, причиняемый тени, отражается на ее живом двойнике. Так, запрещалось ударять тень, бросать в нее чем-либо, младшему по летам запрещалось касаться тени старшего. Женщины с момента появления внешних признаков беременности считались нечистыми; они не должны были с солнечной стороны переходить дорогу, по которой провозили домашних охранителей и шаманские атрибуты, так как считалось, что при этом они оскверняются и духи в наказание посылают тяжелые роды женщине или смерть ребенку. Это было также связано непосредственно с тенью, которая в этом случае падала на дорогу.

Шаманы, которые обладали особой способностью лицезреть невидимые существа, видели и зловредных *абааһы*. В одних случаях последние были призраками, в других — имели безобразный вид, а некоторые из них оказывались людьми, страдающими теми же болезнями, которые причиняли людям. Так как люди могут недужить многими болезнями, соответственно существовало и множество *абааһы*. У долган последние носили имя той болезни, которую они причиняли. Так, например, *абааһы* чахотки представлялся им больным, отхаркивающим пригоршни гноя; злой дух ревматизма или паралича имел скрюченные или недееспособные руки и ноги; *абааһы* язвы был весь в гноиниках и кровоточащих ранах и т.п. Эти зловредные духи, по мнению долган, действительно сами жестоко страдали от своих болезней и так же, как и люди, стонали и плакали, проклиная свою тяжелую судьбу. По поверьям, когда нечистое дыхание *абааһы* застилало землю в виде тумана, то среди людей распространялись поваральные болезни.

По своему характеру *абааһы*, как следует из этимологии этого слова, ни на что доброе были не способны, и поэтому вполне естественно, что они внушали людям страх. Однако долганы делили *абааһы* на сильных и на «плохоньких», слабых. Последних считали наивными, придурковатыми, и их легко могли обмануть шаманы, в то время как от сильных *абааһы* можно было только откупиться.

Зловредные духи жили в нижнем мире, откуда они вылезали на землю через отверстие. В этих случаях *абааһы* часто поселялись в заброшенных стойбищах или избах (имеются в виду главным образом заброшенные избы вымерших русских старожилов, известных в литературе под именем «затундренных крестьян»)³. Эти духи пугали людей по ночам шумом или показывались в виде страшных призраков. Если предстояло пережить тяжелую зиму, с многочисленными болезнями или смертями, *абааһы* по ночам показывались в виде огней, шумели, громко кричали и плакали [Там же. Л. 161].

Источником питания *абааһы* служили домашние олени, но чаще это были люди. Злые духи преследовали охотников-оленоводов, причем старались выбирать в жертву молодых людей, т.к. их мясо было

³ Зимой 2002 г. во время кочевания по тундре с попигайскими оленеводами нам довелось видеть такое заброшенное жилище на берегу замерзшего озера Тогус кыллах. Несмотря на трудности с топливом в это время года (оленоводы возят с собой дерево-плавник, иногда уголь), долганы, которые могли бы взять оттуда кое-какую древесину, и близко боялись подходить к этому строению, объясняя свой страх обитанием в нем злых духов. О том, когда в этой постройке еще проживали люди, никто сказать не мог.

вкуснее. Иногда *абааһы* специально заставляли болеть человека, чтобы в качестве выкупа за его жизнь получить понравившегося оленя или что-либо другое.

Поскольку люди являлись существами «чистыми», *абааһы* при своих ночных нападениях на человека приходили к нему невидимо, крадучись и в одиночку. Но стоило владельцам оставить чум на три дня пустым, жилище наполнялось бесчисленными злыми духами, и в нем людям уже нельзя было жить.

А.А. Попов записал следующий рассказ, объясняющий причину того, почему *абааһы* стали приходиться к людям невидимыми.

В старину, когда еще не было шаманов, *абааһы* открыто приходили к человеку и нападали на него. Однажды, когда человек расщеплял топором дерево, пришел *абааһы* и сказал: «Я тебя съем». На это человек: «Нет, ты сначала помоги мне вставить в расщеп клин, тогда и ешь. Я все равно от тебя никогда не уйду». Человек вложил клин в расщеп и попросил *абааһы* сунуть руки туда. Когда *абааһы* сунул руки в расщеп, человек вытащил клин и защемил ему руки. Бился, бился *абааһы*, пока с большим трудом не освободился и ушел, дав зарок: «С этих пор я буду являться к поперечноглазым (людям), чтобы съесть их, только невидимо. Завещаю всем детям моих детей, чтобы они никогда не пролезали через щель дерева. С этого времени *абааһы* стали невидимыми» [Там же. Л. 163]⁴.

Абааһы, придя к человеку, похищали его *кут*, которую уносили в нижний мир. После этого они вселялись в него и начинали грызть его тело.

Вредоносная деятельность *абааһы* сводилась не только к пожиранию людей и оленей, они приносили человеку всяческий вред как существа, обладающие нечистотой. Все, к чему они прикасались, становилось нечистым, поэтому умершие и больные люди считались также нечистыми. Люди, так или иначе контактировавшие с ними, обязательно должны были пройти обряд «очищения». Нечистота *абааһы* отгоняла промысловых животных, и поэтому вполне понятны многочисленные запреты промысловиков, связанные с местом и временем возможных контактов с этими зловредными духами.

⁴ Очевидно, с этими верованиями связан следующий охотничий обычай, распространенный также у эвенков и северных якутов. В случае длительных неудач на промысле охотники использовали очистительный снаряд, представляющий собой большую деревянную антропоморфную фигуру. Чтобы «очиститься» от неудачи, они несколько раз проползали между «ног» этого скульптурного изображения. Злой дух, преследующий человека, не мог (или не хотел) следовать за ним, так что охотник, проникая сквозь это своеобразное замкнутое пространство, оставлял злую силу позади себя.

Главными защитниками от *абааһы* являлись шаманы, но некоторые предохранительные меры и способы лечения были доступны и обычным людям.

Для защиты от *абааһы* долганы держали «четырёхглазых собак», т.е. собак, имевших над глазами светлые пятна. Эти домашние животные благодаря своему острому зрению и лаю ночью предупреждали о приближении крадущихся *абааһы*. Во время эпидемий долганы в чумах разводили огонь, добытый посредством сверления дерева, окуривали их можжевельником и вешали пучки веток этого кустарника в жилище, а если имели медвежью лапу, вешали ее в чуме.

Для защиты ребенка от *абааһы* к колыбели мальчика с правой стороны привязывали маленькую деревянную модель ножа в ножнах и наконечник копья, с левой стороны — маленький деревянный или железный лучок, иногда со стрелой. К колыбели девочки вешали только модель ножа. Такой же очистительной и защитной силой обладал первый шейный позвонок дикого оленя (*орбоён*). Его подвешивали над входом в балок, и он служил охранителем жилища, препятствуя проникновению в него злых духов [ПМА 1996, 2002].

В долганских семьях, в которых умирали дети, родители стремились защитить новорожденного от смерти тем, что предлагали какой-либо старой многодетной родственнице купить его фиктивно, за малую цену. Однако такой ребенок и после «продажи» оставался жить у родителей. *Абааһы* же не трогал его, считая принадлежащим другой семье. С такой же целью обмануть злого духа ребенку давали кроме христианского имени (после крещения долган) еще одно, остающееся у него на всю жизнь. Девочкам очень часто давали клички собак. Так, например, жену весьма уважаемого долгана, в чуме которого жил А.А. Попов, звали *һукачаан* — «маленькая сучка». Согласно воззрениям долган, когда злой дух приходил к ребенку, наделенному собачьей кличкой, чтобы похитить у него душу, то он уходил прочь. *Абааһы* думал, что вместо человека он нашел здесь собаку [Попов 1946: 56]. По той же причине, очевидно, при посторонних не называли настоящего имени ребенка, что нашло отражение в заметках участников одной из экспедиций в Хатангский район в 1935 г.:

«Оригинально — местные туземцы очень любят своих детей, но сплошь и рядом не знают их имени. При опросе отец своих детей обращается к посторонним — как звать его сына? Нередко за такой же помощью обращается к посторонним и от имени его жены» [АРАН. Ф. 735. Оп. 1. № 18. Л. 99].

При болезнях долганы первым делом обращались к своим *һайтан-ам* (шайтанам), культовым предметам — покровителям се-

мы, дарили им подарки и окуривали жиром дикого оленя или рыбы. Повсеместно среди оленеводов был распространен также обычай, когда к больному подводили домашнего оленя или собаку и заставляли их дышать на больное место человека. Назывался такой олень *арбаабыт*⁵, собака — *чаадай*⁶.

Все вышесказанное относится к злым духам, которых долганы считали «своими», долганскими. Кроме этого, по их мнению, существовали и русские *абааһы*. Последние заставляли болеть долган «русскими болезнями»: оспой, корью, гриппом. При «русских болезнях» шаманы камлали неохотно, особенно при оспе, т.к. в последнем случае можно было и умереть. По мнению долган, успешно лечить русские болезни могли местные певцы-заклинатели «*ыраһыт*» и русские доктора. Конечно, доктора потому и могли лечить русские болезни, что так же, как и шаманы, по мнению долган, имели своих (русских) духов-помощников. В этой связи А.А. Попов привел следующее высказывание шамана Романа Бархатова (весьма авторитетного среди долган, проживающих на Восточном Таймыре в 1930-х годах), который считался не простым шаманом, а «ученым», поскольку он в юношеские годы обучался грамоте в Туруханском монастыре: «У русского доктора бывает очень много духов-помощников столько, сколько у него лекарств, но самыми главными из них являются русская женщина и лев» [АМАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 156. Л. 165].

При болезнях, причиняемых *абааһы*, долганы тем не менее избегали обращаться к русским докторам, т.к. опасались, что если их средства не принесут облегчения, то долганский *абааһы*, обидевшись, может отомстить больному. Из всех «русских» *абааһы* наибольшим страхом и почитанием пользовалась оспа, которую представляли в виде одной или трех русских сестер. Их почтительно называли по-русски «мамами» или «матушками» (*матыска*) [Там же. Л. 167].

Несмотря на всю зловерность духов *абааһы*, повинных в болезнях и кончинах людей, долганы допускали возможность естественной смерти. Так, по сторонам входа в родильный чум норильские долганы втыкали две молодые лиственницы, которые считались столбами *айыы*. Когда рождался ребенок, *Айыы Тойон* отмечал на этих столбах зарубками предельное количество его прожитых лет. В силу такого предопределения человек мог уми-

⁵ *Арбаа* (якут.) — «о шамане: внедрять чью-либо болезнь (собственно причинившего болезнь *абааһы*) в жертвенную скотину, которая затем живьем отпускается на волю» [СЯЯ 1959: стлб. 139].

⁶ *Чаадай* (якут.) — «одно из имен или эпитетов духа домашнего священного огня» [Там же: стлб. 3553].

рать естественной смертью. Но в большинстве случаев люди умирали раньше этого срока от воздействия на них *абааны* или своих умерших предков, которые иногда были такими же враждебными, как и злые духи. Если человек умирал от болезни, от которой умерли его родители, долги говорили, что он умер своей болезнью [Там же. Л. 233].

Когда умирающий находился еще в сознании, он прощался с родными и близкими, делал последнее завещание и одаривал их (говорил что, сколько и кому он оставляет из своего имущества), «чтобы помнили о нем», а также просил конкретно кого-то обмыть его тело. Последними не могли быть близкими родственниками умирающего и моложе его по летам, в противном случае они могли сильно заболеть. Агония считалась последствием греховной жизни человека. Если больной перед смертью много ел, то его близкие полагали, что после его смерти семья обеднеет.

После того как из-за отсутствия дыхания у человека устанавливали смерть, покойника обмывали. При этом обмывающие тело для того, чтобы потом их «не грыз» покойник (обычно под этим подразумевались болезни рук), обвязывали ладони тряпками или стружками. Кончив омовение, для очищения они мазали себе лицо и руки кровью специально убитого для этой цели оленя. Труд этих людей оплачивали, а размеры оплаты устанавливали сами родные умершего. Мыло, оставшееся после омовения, выбрасывали как нечистое.

Одевали умершего близкие родственники, причем одежду или материал для нее обязательно приобретали «на стороне», не у родственников. В случае несоблюдения этого правила покойник мог прийти за теми родственниками, у которых одеяние для него было взято. Если готовой одежды не находилось, ее тут же шили крупными стежками, лишь соединяя края ткани или кожи, направляя иголку от себя и не делая узлов на нитках.

Норильские долги (Западный Таймыр) надевали на покойника две рубахи или два платья из ткани, два натазника, причем последние обязательно шились из черной материи. Поверх рубах или платьев надевали песцовую шубу без покрытия или одежду из оленьей шкуры, на голову — шапку, на руки и ноги — рукавицы и обувь из оленьих камусов. Рукавицы на ладонях и подошвы на обуви продырявливали, чтобы умерший не мог унести с собой *кут* домашних. Туюку зимнюю одежду надевали на покойника и летом. В Волочанском районе (Центральный Таймыр) на покойника надевали одежду только из ткани или из ровдуги, полагая, что у одежды из оленьего меха шерсть в загробном мире превращается в червей [Там же. Л. 235].

Пока гроб еще не был готов, умерший лежал в чуме там, где он умер, на оленьей шкуре, головой, направленной на запад. Если

глаза у покойника оставались открытыми, говорили: «быть покойнику» — и, закрыв веки, клали на них монеты. Пока умерший находился в чуме, о нем не говорили ничего плохого, так как считали, что он все слышал. Садясь за еду, домашние ставили возле него блюдечко с едой. Каждый человек, приходивший в жилище впервые (после смерти), подходил к покойнику, кланялся и просил прощения, если он обидел умершего чем-либо при жизни.

Гроб для покойника делали люди, которые не были для него близкими родственниками, причем им запрещалось в этом же году делать гроб для другого умершего. В лесных районах гроб выдалбливали из цельного ствола дерева, в тундре его сколачивали из досок, снятых с нарт. При этом бросать в огонь щепки от гроба запрещалось. На крышке гроба молодых людей или детей, т.е. именно той категории людей, которые не исчерпали своего века, просверливали отверстие, через которое, как полагали долганы, могла вылететь *кут*. Уже одно это обстоятельство указывает на возможное существование в представлениях долган минимум еще одной души-*кут* (до этого мы говорили о *кут*, которая индевела, истончалась и обрывалась во время смерти).

Перед тем как положить покойника в гроб, последний очищали, окуривая его дымом можжевельника. Внутри гроба клали пищу, в Волочанском районе — кусочек сахара, одну сушку или маленькие лепешки с изображениями креста (две у плеч, одну в ногах), чайную чашку, котелок или миску и выпавшие при жизни умершего зубы, которые хранили специально на этот случай. Если их не положить, то, по поверьям, умерший мог, придя из нижнего мира, этими зубами грызть своих домашних. Чашку разбивали, в котелке или миске делали отверстия.

В гроб мужчины обычно клали ружье, а в гроб мальчика — маленький лук со стрелой. За исключением ружья в гроб нельзя было класть другое оружие (копье или нож), чтобы *абааһы*, съевший человека, не стал охотиться за родными умершего. Ронять слезы в гроб также запрещалось, поскольку они в подземном мире могли превратиться в громадные лужи, препятствующие путешествию умершего к месту загробного жительства.

После того как покойника положили в гроб, его сразу выносили из жилища. Для этого разбирали шесты чума и снимали покрывки возле того места, где лежал умерший, чтобы он не нашел входа в жилище, если захочет туда вернуться. Выносили его головой вперед, «чтобы он мог пинать ногами назад *кут* живых людей, пожелавших последовать вместе с ним» [Там же. Л. 232]. Если гроб с покойником казался тяжелым, долганы полагали, что умерший затаил на кого-нибудь злобу.

Гроб, накрытый покрывкой от чума, ставили на нарту и оставляли до того момента, пока могила не будет выкопана. Если она

находилась недалеко, гроб несли на руках или, надев лямки, его тащили на нарте. В том случае, когда место погребения находилось далеко, гроб с покойником везли на нартах, запряженных двумя старыми оленями-быками. Запрягать важенков в этих случаях запрещалось: они могли унести с собой счастье-плодородие оленей. Если олени, на которых везли покойника, спотыкались, то полагали, что вскоре случится несчастье. Погребальный поезд не должен был пересекать линию установленных пастей-ловушек, чтобы не отпугнуть песцов. Перед тем как опустить гроб в могильную яму, ее окуривали дымом можжевельника. После погребения покойника, как считали долганы, летом должен был подняться ветер, зимою — пурга, чтобы замести следы умершего [Там же. Л. 237].

Нарту, на которой везли покойника, разрубали топором. Этот топор вместе с упряжью, посудой и вещами, которыми пользовался покойный, оставляли у могилы. Одежду, которую он носил при жизни, так же как и колыбель ребенка, вешали на дерево вблизи могилы. Оленей, на которых привозили покойного на могилу, обычно продавали нганасанам, якутам или русским или обменивали у них же на других оленей. В старину, как сообщает А.А. Попов о норильских долганах, при погребении мужчины забивали верхового оленя без седла, а при похоронах женщины — оседланного оленя. Убивал кто-нибудь из стариков, закалывая животное в сердце острым еловым колом⁷.

В прошлом столетии, когда забивали оленя, то делали это обычным для долган способом, ударя ножом в затылок. Мясо этого оленя съедали, а голову вешали на кресте у могилы, близстоящем дереве или на шестах, установленных над погребением.

Покидая место захоронения, присутствовавшим на церемонии нельзя было оглядываться, чтобы за уходящими не последовал умерший. На западе Таймыра долганы, вернувшись с кладбища, у чума забивали перевозившего покойника белого оленя-быка, которого называли «оленем, смывающим грязь (нечистоту)». Желудок оленя целиком вместе с содержимым клали перед порогом, и каж-

⁷ Ближайшие параллели, а возможно, и истоки бытования этого архаичного способа забоя оленя у долган через своих ближайших соседей нганасан можно обнаружить далеко на юге бассейна р. Енисей. Так, нганасаны во время погребального обряда забивали оленей следующим образом. С обеих сторон каждого оленя становились по два человека, держа наготове по заостренному колу, третий становился сзади и ударом дубинки по пояснице переламывал оленю хребет. В это же время двое стоящих впереди пронзали сердце животного с двух сторон [Попов 1936: 59]. Также заостренным колышком в сердце забивали оленя охотники-оленеводы Тоджы и тофалары [Вайнштейн 1991: 142].

дый, заходя в чум, перешагивал через него. Желудок оленя в данном случае являлся своего рода маркером жизнненности, переступив который человек отделял себя от ушедшего в другой мир⁸. Котел с кровью забитого оленя заносили в жилище и омывали ею лицо, руки и суставы, чтобы умерший «не грыз суставы живых людей». Кроме того, этой кровью обмазывали жерди чума, крыши и все предметы, находившиеся в жилище. Все присутствовавшие на кладбище, вернувшись в свои жилища, останавливались недалеко от чумов и кричали громко, что они вернулись. Выходила одна из женщин и клала перед входом в чум горящее полено, через которое нужно было перешагнуть. Кроме того, жилище вернувшегося с похорон человека внутри окуривали смолой лиственницы, которую помещали на сковородку с горящими углями, и входящий должен был перешагнуть через нее [Там же. Л. 238].

Несмотря на обряды очищения кровью, домашние умершего в продолжение некоторого времени подвергались запретам. Так, мужчины не могли охотиться и ловить рыбу до начала нового месяца. До этого срока им запрещалось также плавать на лодке, иначе рыба перестанет попадать в сети. Жена умершего также считалась нечистой на это время. Ей запрещалось переходить дорогу, по которой охотники провезли тушу дикого оленя, и запрещалось разъединять последние позвонки дикого оленя, чтобы не исчезло счастье-удача во время промысла диких оленей. До истечения месяца запрещалось брать огонь из очага того чума, в котором умер человек.

В Норильском районе при смерти одного из супругов другой разрезал общую постель (шкуру оленя) вдоль на две половины и ту половину, на которой спал умерший, выбрасывал.

В старину, как сообщает А.А. Попов, чум, в котором умер человек, просто оставляли, перебираясь жить на новое место. А постоянные постройки типа *холомо*, *балаган* покидали только до первой весенней грозы, которая «очищала» их [Там же. Л. 239].

Западные долганы обычно не ставили надмогильных памятников. Они спиливали на высоте около 1 м от земли стоящее рядом с могилой дерево и валили его на земляной холм. Пень обтесывали топором с четырех сторон, а в голове ставили крест. Из-за вечной мерзлоты покойника хоронили неглубоко, поэтому иногда случалось, что могилу разрывал медведь. Чтобы это предотвратить, от креста к пню привязывали нить из подшейного волоса оленя и обращались к зверю: «Я хотя и проворнее тебя, но никогда не стану охотиться за тобой, и ты меня уважь, этого умершего человека не трогай!». Если все же медведь разрывал могилу, на него специально охотились и убивали [Там же. Л. 239].

⁸ Выше уже упоминалось, что недоношенного ребенка помещали на определенный срок в желудок оленя.

Восточные долганы делали надмогильные памятники из досок, которые орнаментировали богатой резьбой. Разрушенные надмогильные памятники долганы не восстанавливали, опасаясь заболеть. Мертворожденных и некрещеных детей в землю не хоронили. В лесной местности их заворачивали в оленью шкуру или, положив в ящик, вешали на дерево, а в тундре привязывали к воткнутой в землю жерди или просто оставляли на земле. Объясняли это тем, что если некрещеного ребенка похоронить в земле, то его не увидит *айыы*, под которым долганы подразумевали христианского Бога. Очевидно, в этом объяснении проявлялось позднее осмысление традиций древних наземных захоронений, существовавших в прошлом у предков долган [Там же. Л. 240].

Н.А. Костров оставил следующее интересное сообщение: «Долганы отправляют похороны так же, как самоеды, с которыми они находятся в частых сношениях. Они оставляют покойника в том самом чуме, где он умер, накидывают на этот чум несколько оленьих кож и обкладывают его сухим хворостом. Потом ближайшие родственники подходят и зажигают» [Очерки Туруханского края 1857: 98]. В старину предки долган во время повальных болезней уходили от тяжело больных или умерших, оставляя их без погребения.

На сороковой день после смерти долганы устраивали поминки (*пуомиингка*). Утром, помолвившись перед иконой, они собирали угощение, оставляя перед ней тарелочку с кусочками мяса, рыбы и т.п. Если на следующее утро, по их мнению, в тарелке убавлялось пищи, то считали, что душа умершего (при этом использовали не слово «*кут*», а русское «душа» — «*дусаа*») перед тем как отправиться на небо, посетила свой дом. После этого умершего ежегодно поминали в день его смерти тем, что утром перед иконой зажигали свечку и долго молились. В эти дни, как и в христианские праздники, шить женщинам считалось грехом.

Айыы Тойон, под которым, как уже говорилось, долганами после их крещения воспринимался христианский Бог, и *абааһы* — злые духи — еще при жизни человека записывали в свои книги его поступки. *Айыы Тойон* записывал добрые дела, *абааһы* — порочные. Когда душа (*дусаа*) человека после его смерти являлась на суд перед *Айыы Тойоном* и *абааһы*, они, сверяя свои записи, выясняли, каких поступков больше у умершего. В зависимости от этого они отправляли душу на небо — в рай (*ыраай*) — или под землю — в ад (*аат*), где в одном случае она должна была блаженствовать, в другом — гореть в огне. Конечно, эти представления стали результатом отражения христианских традиций, носителями которых были затундринские крестьяне — одни из предков долган, и деятельности миссионеров, в частности православной церкви Енисейской и Якутской епархий. Но что же случалось с челове-

ком после смерти, какими были представления о загробном мире у долган до прихода русских и распространения христианства в этом крае?

Согласно их представлениям, загробная жизнь являлась продолжением земной. По этому случаю А.А. Попов приводит слова долгана Павла Яроцкого: «Каждому человеку после смерти назначается исконная его земля. Как бы нам плохо ни жилось на земле, безразлично, лишь бы там было хорошо». Может быть, таким отношением к земной жизни объясняется, по мнению исследователя, удивительное внешнее спокойствие долган при потере близких.

Попадая в нижний мир, умершие продолжали свою земную жизнь, причем *кут* не уходила туда, но поднималась в верхний мир. Уходила в подземный мир телесная сущность человека, лишенная *кут*. Последняя же, попадая в среду, отличную от земной жизни, продолжала существовать. Загробной жизни были лишены обычно люди, съеденные зверями, поскольку при этом уничтожалось тело человека.

Подобные представления долган настолько поразили и настрожили А.А. Попова, что он во избежание быть недопонятым в этом вопросе во время экспедиционных исследований на Таймыре в 1930-е годы постарался проверить эти представления многочисленными опросами. Все опрашиваемые им долганы категорически отрицали уход *кут* вместе с умершим в подземный мир, хотя и не могли объяснить, почему там оживает тело человека [АМАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 156. Л. 244].

Совершенно другие ответы А.А. Попов получал, когда слово *кут* заменял известным долганам словом душа (*дусаа*), и в этих случаях он обязательно встречался с представлениями о рае, аде и мучениях грешников.

По дохристианским верованиям долган, подземный мир представляется им сумеречным, в нем светили ущербленное солнце и половинная луна, показывался только краешек утренней зари, величиной с обрезанный ноготь. Когда на земле наступал день, в подземном мире наступала ночь, когда на земле было лето, там — зима и т.д.

Умерший совершал путь к месту своего нового постоянного обитания пешком или верхом на олене, если при погребении забивали оленя. Пешему (т.е. безоленному) долгану нужно было добираться туда целых три года. Он мог также плыть на плоту или на ветке по воде болезней. Прибыв на место, человек, попавший в нижний мир, долго бродил пешком или ездил верхом на олене по узким тропинкам, разыскивая родных, чтобы поселиться вместе с ними.

В нижнем мире все люди, пришедшие туда, сколько бы лет им ни было, становились молодыми. Вдовцы и вдовы, вторично же-

нившиеся или вторично выходявшие замуж, жили со своими первыми мужьями и женами, вторые же жены жили у своих родственников по материнской линии. Долганы говорили, что мужчина, взяв себе первую жену, действует по предопределению *айыы*: эта женщина для него рождена и ему предназначена. Вторичный же брак совершался не от *айыы*, а по собственной воле человека, и он считался предосудительным. Такое же отношение существовало и в отношении вторичного замужества вдов, однако при этом не возбранялось иметь внебрачных детей [Там же. Л. 245].

В подземном мире, так же как и на земле, жили богатые и бедные, так что загробное бытие долганам не представлялось блаженством. Умершие так же, как и при жизни, любили бывать в гостях друг у друга, при болезнях обращались к своим шаманам. Многочисленные стада богатых состояли из оленей, пропавших на земле. Охотились умершие на тех животных, которых добывали на земле, рыболовы ловили сетями, но вместо рыб в них попадали различные водяные твари. Люди пользовались на том свете только предметами, ставшими на земле негодными — разбитыми, сломанными, которые там становились целыми.

Живя в нижнем мире, почившие умирали вторично, при этом их тело превращалось в комаров и мошек, которые вылетали на землю через отверстие и питались кровью людей и животных. Осенью, когда комары и мошки пропадали, существо человека уничтожалось бесследно.

По представлениям долган, связь умерших с живыми не прекращалась. При этом в зависимости от характера одни умершие становились недоброжелательными, другие добрыми по отношению к живым. Поэтому отношение к ушедшим в другой мир было двойственным. Так, человек, умерший по злому умыслу другого, мстил последнему, показываясь ему или его родным в образе черного оленя *илькин*. Это приносило им большое несчастье — болезнь или смерть.

Некоторые умершие, подобно *абааны*, похищали *кут* у родных и уносили в подземный мир, и тогда эти родные начинали болеть и умирали. Узнав об этом у шамана, его просили камлать через год после смерти человека. Камлание продолжалось непрерывно одну ночь и один день. Шаман при этом отправлялся на специально убитом олене в нижний мир, догонял умершего и ехал с ним некоторое время, указывая ему дорогу, чтобы поскорее спровадить. На другой день шаман оставлял его и возвращался на землю, захватив с собой похищенную *кут*. За свои труды он получал от родственников умершего оленя или шкурку песца [Там же. Л. 246].

Если через три года после смерти человека, когда, как предполагалось, он уже доходил до места своего жительства и его родственники начинали болеть, тогда просили узнать шамана, не причиняет ли

болезнь умерший. Шаман засыпал, чтобы во сне узнать причину болезни, и если указывалось, что в болезнях повинен умерший, он, камлая, отправлялся в нижний мир. Придя туда, шаман спрашивал умершего, чем тот недоволен. Умерший объяснял свое недовольство разными причинами: его редко вспоминают; не кормят, бросая в огонь кусочки пищи; при погребении пожалели убить оленя, и поэтому ему пришлось испытать в пути много трудностей и т.д. Тогда шаман просил родных почившего убить оленя, после чего он находил в земле отверстие, через которое приходил из нижнего мира умерший, причиняющий болезни, и затыкал это отверстие убитым оленем. Мясо этого оленя съедали, кости складывали на высокий помост (*диэбун*), а шкуру его как нечистую выбрасывали.

Камлать на этот случай обычно приглашали шамана из другого рода, никогда не видевшего умершего при жизни. Если шаман был сильным, он должен был во время камлания точно описать наружность ушедшего в нижний мир.

Желая расположить к себе умершего, родные через шамана время от времени посылали ему в подарок оленя. Роман Бархатов говорил об этом А.А. Попову следующее: «Посылают отцу или другому близкому родственнику оленя, говоря: “Пусть он расскажет, как там живет, пусть и нам уделит часть от своих долгих лет”. Этого оленя убивали перед камланием, прокалывая сердце с обеих сторон заостренными кольями. Голову животного насаживали на конец жерди *кэптэргэ*, воткнутой в землю. На шкуре, снятой с этого оленя, при камлании сидел шаман. После камлания ее отдавали человеку, варившему мясо оленя, которое съедали все присутствовавшие. Такие жертвоприношения (*баантин*) часто устраивали норильские долганы, восточные же их группы относились к этому отрицательно, считая грехом против “божьей скотины”, имея в виду жестокий способ забоя оленя» [Там же. Л. 247].

Люди, благорасположенные при жизни, старались быть доброжелательными и после смерти. Случалось, что шаман во время камлания в поисках похищенной *кут* попадал к умершим и, встретив среди них родственников больного, просил помочь советами, как найти *кут* и как вылечить больного. И они давали советы шаману.

Некоторые из доброжелательных умерших, живя в подземном мире, вспоминали о своих родных, тосковали по ним, думали: «Как-то они там живут, наверное, терпят нужду в чем-либо» — и выходили на землю проведать их. Эти посещения мертвыми совершались из добрых намерений, но они всегда приносили живым только одни несчастья — болезни и смерть [Там же].

Определенные представления долган о загробной жизни дают их повествования о путешествии живых людей в подземный мир. В одном из рассказов говорится следующее.

«В старину один человек, охотясь на диких оленей, увидел на земле отверстие и стал его разглядывать. Вдруг земля с краев отверстия оторвалась, и человек провалился вниз. Долго-долго он падал, пока не упал на что-то мягкое, сильно повредив при этом одну руку и одну ногу. Место падения оказалось таким же, как и наша земля, только с ущербленным солнцем и половинной луной. И вот, когда человек лежал, страдая от боли, прибежала к нему мышь. Досада взяла его, и он, говоря: “Я еще не умер, а она уже прибежала меня грызть”, — оторвал у мыши одну переднюю и одну заднюю ноги. При этом мышь стала грызть какую-то траву, и у нее вместо оторванных ног, выросли новые.

“Что за диво!” — подумал человек, сорвал эту траву и съел. Рука и нога перестали болеть, и он поднялся и пошел.

Страна, по которой он шел, была очень красивая, с озерами и травками, такая веселая. На берегу одного озера стояли чумы, около них толпилось от жары много оленей. Подойдя к стаду, человек поймал одного белого оленя и, говоря: “Бедняжечка, когда я, несчастный, жил в стране солнца, таких имел возможность запрягать”, — стал ласкать, поглаживая по спине. Как только стал гладить, у оленя сломалась спина. Человек сильно огорчился: “Какой ужас, как это я убил оленя у этих добрых людей”.

Идя дальше, он увидел черного олененка. Он очень ему приглянулся. Поймал олененка и стал, лаская, гладить. Как только стал гладить, олененок сразу же умер. “Какой ужас, что это такое? Мои ласки причиняют смерть” — подивился человек и направился к чумам.

Войдя в один из них, уселся у двери и громко сказал: “Здравствуйте!”. На это никто не отозвался, как будто не заметили его. Тогда, схватив руку одной девушки, крепко пожал, говоря: “Здравствуй”. При этом девушка, сказав: “Ой, ой как сильно заболела рука!?” — закричала. Люди уселись за стол и стали согудать (есть сырую талую рыбу). Наш человек присоединился к ним и стал вместе есть, никто на него не обратил внимания.

Вот наступил вечер, нашему проказнику очень захотелось присоединиться к одной девке, и он залез к ней под одеяло. Как не пробует он приласкать девку, она начинает ревмя реветь, как бы от сильной боли.

“Что за оказия?” — говоря, человек снял кольцо с пальца девки и надел на свой. Вопли и стоны девушки никому из домашних не дали спать, и они всю ночь провели при свете огня. Как только наступило утро, послали за своим шаманом.

Шаман, старик с белыми как снег волосами приехал через очень недолгое время и вошел в чум. Камлая, он долго пытался схватить (обычный способ схватить у долганских шаманов при лечении бо-

лезней) нашего человека, но это ему не удалось, уехал обратно, ничего не сделав.

Привели второго шамана, Этот был моложе первого, но и он не мог ничего поделать. Домашние посоветовались и сказали: “Молодой шаман есть, за ним надо послать”. Утром запрягли лучших оленей и отправились за шаманом.

Как бы то ни было, на словах все быстро делается, шамана привезли. Вошел в чум молодой человек, своими глазами нашего человека пронизывая насквозь так, что ему стало жутко. “Вот где, видимо, моя погибель”, — подумал он.

Вот этот молодой шаман, камлая, сразу схватил ртом нашего человека. Схватив, спросил: “Зачем пришел сюда?”. На это человек стал жаловаться и плакаться: “Я не по своей воле оказался здесь, вот так-то, так провалился в отверстие земли. Я вернулся бы обратно, если бы получил подарка. Нужно мне получить одного черного, одного белого и одного пестрого оленя”. При этом домашние стали говорить шаману: “Дадим ему, что он просит, только бы ушел от нас”.

Тогда шаман стал донимать парня: “Сам выбирай: или, если останешься, я тебя запроу здесь, или даешь согласие подняться на землю”. На это божий человек сказал: “Домой отправлюсь, только кольцо девки я уж оставлю у себя”. “Оставь, оставь”, — согласились домашние.

Как просил человек, так и сделали: подарили ему трех оленей. И вот думает он: “Будут у меня олени и кольцо”.

Шаман посадил человека себе на спину и стал лететь вверх. И вот, когда вдали показалось отверстие земли, шаман с человеком пересели в бубен и влетели в него (в отверстие. — *В.Д.*), и оба вместе закричали трижды: “Суу, суу, суу!”. После этого человек потерял сознание. Когда очнулся, оказалось, что он лежит на своей земле, никаких настоящих оленей нет, вместо них валяются три изображения оленей, сделанных из гнилушек, а кольца нет. Оказывается, человека не было на земле уже три года».

В другом рассказе, напоминающем по содержанию предыдущий, говорится следующее:

«В старину один человек ходил охотиться и провалился в отверстие земли. Провалившись, когда пришел в себя, лежит, оказывается, на другой земле. Когда он лежал, пришли три красивые девушки. Вот он стал упрашивать их, говоря: “Я большой человек, помогите мне”, но ни одна из них не обратила внимания, как будто не слыхала, и все трое пошли со словами: “Куда же могли уйти наши олени?”. Парень пошел за ними. К одному чуму пришли. Парень вошел в чум и, ставши у двери, увидел, что живут, оказывается, старуха и три ее дочери. Ни один из этих людей: “Ты пришел ведь”, говоря, не обратил на него внимания. Тогда парень уселся рядом с одной из девушек. И вот того, что он подсел, никто

не заметил. Женщины стали кушать, но ему не предложили есть. Тогда человек сам время от времени по одной ложке съест успевал. Этого не замечали, а только говорили: “Отчего это сегодня так быстро убавляется еда?”. При этом парень подумал: “Они, кажется, меня не видят, попробую-ка дотронуться до них”. И вот потрогал девушку, громко заревела она.

Так прожил парень три дня. И вот, живя, думает: “Должен я сообразить, как бы отсюда выбраться” — и все время, не отходя от девушки, начинает трогать ее. Девушка при этом громко кричит от боли. Тогда двух шаманов камлать заставили. Эти шаманы никакой пользы не принесли. Сказали: “Надо будет попросить камлать большого шамана” — и отправили за ним человека.

Когда отправили, парень нарочно обнял девушку, девушка ревмя заревела. “Наш шаман едет”, — сказали. Тогда парень: “Как-то поступит со мной?”, думая, спрятавшись за подушкой девушки. Как ни прятался, огни глаз шамана стали пронизывать его. Войдя в чум, шаман сразу же накинулся на нашего человека и, схватив, посадил его себе на спину. Парень стал сильно биться, стараясь освободиться, но шаман его не выпустил и стал спрашивать: “В кого ты, превратившись, мучишь человека?”. На это парень сказал: “Я не по своей воле пришел сюда, провалился в отверстие земли. И когда, упавши, лежал больным, на этой земле, стал просить этих девушек помочь мне, но ни одна из них не захотела помочь”. На это шаман: “Ты отстань от них, я отправлю тебя домой”, — и посадил парня верхом на *эмэк курууска*⁹. *Эмэк курууска* превратился в оленя и полетел вверх. Когда парень опомнился, лежит, оказывается, на своей земле, усевшись верхом на олене, сделанном из гнилого дерева» [Там же. Л. 255–259].

В этнографической литературе имеются сходные с долганскими предания у многих сибирских народов, населяющих территорию от Уральских гор до Чукотки. Определенный интерес в связи с долганским материалом вызывают несколько мансийских и эвенкийских рассказов. Они не связывают человека, попавшего в нижний мир, с его же смертью. Он просто побывал там, где живут умершие люди, и испытал чувства, которые и отличают его как «настоящего» человека. Краткий сюжет мансийского предания, записанного В.Н. Чернецовым, следующий: человек ночью, заблудившись на земле, приезжает в селение

⁹ *Эмэк курууска* — в данном случае изображение оленя, сделанное из гнилушки, оживотворяемое шаманом вселением в него духа-помощника. *Эмэх* у долган — «березовая гнилушка» [СЯЯ 1959: стлб. 254]; *курууска* (русское — «кружка») — человек, через шамана живущий на счет родовой или наследной благотворительности [Там же: стлб. 1255].

мертвых, которые его не видят и не слышат. О его присутствии они узнают от своего шамана, который говорит, что пришел «едящий» дух. Человек убегает от них и благополучно приезжает к себе домой [Мифы, предания, сказки хантов и манси 1990: 439].

Г.М. Василевич опубликовала несколько эвенкийских сказаний, в которых так же, как и у долган, человек, попадая в подземный мир, становится там невидимым [Василевич 1936: 33–34]. В одном из рассказов человек поднимается на небо, где он также становится невидимым, и его прогоняют обратно на землю при помощи шамана [Василевич 1936: 36–37]. У манси, согласно их некоторым сказаниям, страна мертвых находится на той же самой земле, на которой обитают и живые люди. По-видимому, в этом рассказе отражаются ранние представления, когда загробная жизнь у манси не связывалась с подземным миром. Эвенкийский же вариант, по всей вероятности, является более поздним, поскольку он связывается с верхним миром.

Эти сказания отражают представления о жителях другой страны, другого мира. Так, живой человек, попадая к жителям другой страны, другого мира становится для них невидимым и неосязаемым, теряет свою материальность. Однако для пришельца жители другой страны, другого мира являются такими же телесными существами, как и земные: он их не только видит, слышит, но и осязает. Кроме того, человек, попавший в иную страну, в иной мир, становится для их обитателей вредоносным существом, как бы злым духом, прикосновение которого причиняет им болезнь. Причем он становится таковым помимо своей воли, без всякого злого умысла. Таким свойством начинали обладать люди, попадающие в другой мир.

Таким образом, по представлениям долган, умерший, попадая в загробный мир, становился таким же телесным существом, каким он был на земле. Но он совершенно так же, как это случалось с живым человеком, попадавшим в мир умерших, вылезая на землю, делался невидимым, бесплотным для живых людей. Какими бы доброжелательными ни были у умершего намерения, он становился вредоносным тогда, когда вылезал из нижнего мира на землю «настоящих людей». Как мы видели, по представлениям долган, иногда умершие, выбираясь на землю, приходили к своим родственникам, тоскуя по ним, беспокоясь об их судьбе. Но эти посещения, вызываемые добрыми чувствами, причиняли живым болезни, очевидно, потому, что они для людей земли оказывались жителями другого мира и могли принести несчастье, зло помимо своего желания. Так что умершие, уходя в подземный мир, становились чужими, как жители другой земли, другого мира.

В свете подобных представлений, как отмечает А.А. Попов, становится понятным боязливое, недоверчивое отношение некоторых

групп долган и нганасан (особенно женщин и детей) к приезжим. Местные жители боялись, что «исследователь, как чужеземец, мог оказать на них дурное влияние».

«Такое же отношение ко мне, несмотря на знание языка, имело место в 1931 г. у наиболее отсталого долгано-якутского населения за рекою Хета. Особенно ярко выражалось оно у вадеевских нганасан, которые, видя, что я иду к ним, часто не пускали в чум. Однажды я провел несколько дней в чуме одного нганасана, и мы расстались с ним приятелями. Когда же на обратном пути захотел зайти к нему в чум, он не пустил. Оказалось, что почти через месяц после моего отъезда заболел один человек из его семьи. Это было приписано моему дурному влиянию. Любопытно отметить, что нганасаны “вредоносность” русских объясняли исходящим от них дурным запахом, который считали “нечистым”» [АМАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 156. Л. 264].

Поэтому вполне понятным становится двойственное отношение долган к умершим. С одной стороны, последних следует бояться, когда они выходят на землю, как существ, приносящих несчастье. С другой стороны, умершие, находясь в загробном мире, могут приносить пользу живым людям и, чтобы сохранить их благорасположение, желательно время от времени посылать им подарки через шамана.

Мир, где пребывают умершие, отличается от земного тем, что в нем все происходит наоборот: погибшие на земле животные совсем так же, как и покойники, становятся там живыми, вещи, пришедшие в негодность, там становятся новыми, целыми и т.д. Подобные представления в прошлом были широко распространены у многих народов Сибири. Если в подземном мире все совершается наоборот, чем на земле, становится объяснимым тот факт, что нужно было ломать вещи, отправляемые с покойником, чтобы они там оказались целыми. Этим, очевидно, можно объяснить обстоятельство, почему долганы при шитье одежды покойнику отдельные части ее лишь «наживляли», сшивали непрочно и не делали узлов на нитках.

Таким образом, у долган было распространено своеобразное представление о перерождении людей и вторичной их смерти, с которой телесное существо человека уничтожается навсегда. Так, умершие, живя в загробном мире, снова умирали и при этом превращались в комаров и мошек. После этого они вылетали на землю и там с наступлением осени умирали уже окончательно. Так что, по представлениям долган, естественная смерть человека истолковывалась не как уничтожение его, а как переход его тела к новой форме существования. Последняя завершалась полным уничтожением тела при последующем перерождении в насекомых и вто-

ричной смерти. Что касается *кут*, то она, согласно имеющимся сведениям, была необходима только для земной жизни человека.

Библиография

- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
Василевич Г.М. Материалы по эвенкийскому фольклору. Л., 1936.
Васильев В.Н. Изображения долганско-якутских духов как атрибуты шаманства // Живая старина. 1909. Вып. II–III.
Долганский фольклор. Л., 1937.
Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.
Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
Очерки Туруханского края князя Кострова // Записки СОРГО. СПб., 1857. Кн. IV.
Попов А.А. Материалы по родовому строю долган // СЭ. 1934. № 6.
Попов А.А. Семейная жизнь у долган // СЭ. 1946. № 4.
Попов А.А. Тавгийцы. М.; Л., 1936.
Попов А.А. Религия долган // Архив МАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 156
Предания, легенды и мифы Саха (якутов) // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1995.
Словарь якутского языка: В 3 т. / Сост. Э.К. Пекаровский. М., 1959.

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА

М.М. Хасанова

ПУТЬ ДУШИ В «МИР МЕРТВЫХ» ПО ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ НАРОДОВ АМУРА¹

Без преувеличения можно сказать, что представление о «мире мертвых» в культуре всех народов является одним из самых древних. И этот факт не мог не привести к ряду противоречий в воззрениях, например, коренных народов Нижнего Амура на топографию «мира мертвых» и путь к нему. Следует, думается, различать три временных пласта во взглядах, связанных с «миром мертвых». Прежде всего это комплекс самых древних представлений. В нашем случае они проявляются в мифах о вертикальном строении мира: верхний (мир духов), средний (мир людей) и нижний («мир мертвых»). Через какое-то время некие иноэтнические влияния заставили людей думать, что «мир мертвых» находится на западе, в стороне захода солнца, и связан со «смертью» светила и темнотой. И, наконец, наиболее поздними по времени появления мы считаем шаманские представления о душе и ее проводках в потусторонний мир. Разобраться в указанных трех разновременных комплексах не всегда возможно, поэтому в нашем описании не исключена некоторая противоречивость.

Попробуем начать с анализа древнейших мифов и мифологических представлений народов Нижнего Амура о пути в «мир мертвых» и о самом этом мире. Заметим, что с этими представлениями прочно соединен следующая (т.е. второй, см. выше) временной пласт, подразумевающий горизонтальное членение Вселенной по принципу восток — запад. Восток, или сторона восхода солнца, ассоциировалась с миром живых, а запад, или сторона захода солнца, — с «миром мертвых». Два обозначенных пласта мифологических представлений коренных народов Нижнего Амура настолько прочно срослись, что порой кажется, будто это единое целое. Тем не менее это не так, и ниже мы постараемся продемонстрировать доказательство своего утверждения.

¹ Это последняя работа талантливого этнографа и лингвиста Марины Мансуровны Хасановой, которую она не успела завершить. Публикуется в авторской редакции. — *Прим. отв. ред.*